

политика

М.А.Штейнман

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАФОРЫ ВЛАСТИ В XX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИНА И ДЖ.МАРТИНА

Мария Александровна Штейнман — кандидат филологических наук, профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: philology@mail.ru.

Аннотация. Метафора власти — тема настолько обширная, что, не претендуя на всестороннее ее рассмотрение, М.Штейнман концентрируется на относительно узком ее аспекте, связанном с нарративным полем жанра фэнтези в контексте политических перемен XX — начала XXI столетия. Цель ее исследования — проследить трансформацию политической метафоры применительно к тем характеристикам, которые позволяют ей стать одним из ключевых инструментов политической рефлексии. Вместе с тем Штейнман обращает внимание на еще одно важное свойство политической метафоры — способность моделировать ту или иную версию политической реальности.

Связь между метафорой, политическим мифом и жанром фэнтези столь же очевидна, сколь и дискуссионна. Матрица жанра фэнтези изначально создавалась не как способ развлечь читателя, но как поле развернутых размышлений на тему современности. Именно это побудило Штейнман соединить в рамках одного исследования «Властелина колец» Дж.Р.Р.Толкина и «Песнь льда и пламени» Дж.Мартина — каждый из этих авторов старался выявить и осмыслить политические проблемы своего времени.

Наиболее отчетливое выражение данные проблемы получили в двух образах — Кольца Всевластья у Толкина и Железного Трона у Мартина. Вместе с тем, по заключению Штейнман, доминирующее значение имеет метафора политической игры, заключенная в словосочетании «игра престолов». О ее роли свидетельствует, в частности, анализ современных медиа. Каждый раз, когда политическая повестка подразумевает дебаты или выборы, активизируются мемы, отсылающие к действующим лицам цикла Мартина и базирующегося на нем сериала. В то же время нередко встречается и упрощенное использование мема на уровне эксплуатации узнаваемой формулировки.

Ключевые слова: политическая метафора, политический миф, власть, фэнтези, Кольцо Всевластья, Железный Трон, игра престолов

**Метафора
как инструмент
познания
и моделирования
реальности**

Начнем с определения понятийного поля метафоры. Хосе Ортега-и-Гассет видел в метафоре инструмент мышления и форму научной мысли¹. При этом он различал две функции метафоры в науке. Первая из них касается фиксации нового: «когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать»; соответственно, он «выбирает такое слово, которое должно навести на новое понятие»². Вторая функция еще более значима: «метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления»³. В ситуации, когда существующие термины перестают отражать новые реалии, последние зачастую можно осмыслить лишь посредством метафоры. Подобная двойственность расширяет пространство применения метафоры, которая может быть использована и для осмысления конкретных явлений, и для обобщения более или менее масштабных тенденций. В полной мере это относится и к сфере политического.

Теперь следует обозначить связь метафоры, мифа и языка. Эрнст Кассирер описывал метафору как «сознательный перенос названия одного представления в другую сферу — на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предлагающее какие-либо косвенные с ним аналогии»⁴, за которым усматривал действие механизма мифологического мышления. Отсюда понятие базисной метафоры как условия создания и языка, и мифологических установок: «простейший мифологический образ возникает лишь в силу трансформации, посредством которой впечатление повышается в ранг „священного“, мифологически и религиозно значимого»⁵.

Собственно, связь языка и мифа была очевидна задолго до Кассирера. Немалое внимание ей уделил, в частности, Фридрих Макс Мюллер в своих «Лекциях по науке о языке», где охарактеризовал мифологию как болезнь языка, уточнив, однако, что миф означает слово, но такое, которое, будучи именем или атрибутивом, обладает способностью обретать материальное существование⁶. Именно обрета таковое, слово становится мифом. В свою очередь Кассирер, во многом опиравшийся на работы Мюллера, акцентировал семиотический аспект данного процесса: «активная, творческая сила знака равно как в мифе, так и в языке, как в художественном творчестве, так и в формировании фундаментальных теоретических понятий проверяется миром и связностью мира»⁷.

Трехтомник Кассирера «Философия символических форм» вышел в 1922—1929 гг., а в 1939 г. Джон Рональд Руэл Толкин написал первую версию своего эссе «О волшебных историях», где тоже поднял вопрос о соотношении языка и мифа. Правда, идея мифологии как болезни языка не казалась ему убедительной. Связь между ними, полагал он, — показатель не болезни, а творческого потенциала. Столь же принципиальной он считал связь между сознанием, языком и повествованием⁸.

Соединив концепцию слова-мифа с «базисной метафорой» Кассирера, мы получим важнейший аспект метафоры — сотворение нового смысла, который может существенно повлиять на наше восприятие

¹ Ортега-и-Гассет 1990: 68.

² Там же: 69.

³ Там же: 71.

⁴ Кассирер 1990: 35.

⁵ Там же: 36.

⁶ Müller 1862: 12.

⁷ Кассирер 2002: 35.

⁸ Tolkien 1997: 122.

реальности, а в некоторых случаях — и на создание реальности вторичной (если принять уточнение Толкина).

Важная деталь — наличие двух разных взглядов на метафору, в том числе политическую. Один, более узкий, можно назвать языковым (linguistic). В этом случае метафора понимается как определенный троп, вербальный либо визуальный. Ее функция в коммуникации является скорее инструментальной, нежели смыслопорождающей. Метафора служит здесь для кодирования сообщения. Именно этот аспект метафоры востребован в рамках политической сатиры.

Второй взгляд подразумевает расширенное понимание метафоры, которая наделяется креативными свойствами, способностью порождать смыслы. Подобное понимание, безусловно, гораздо ближе к концепту мифа. Это полностью справедливо и применительно к политическому дискурсу и политическому мифу.

Метафору как политический концепт достаточно подробно рассматривает Франклин Рудольф Анкерсмит (опираясь на построения Макса Блэка, Дональда Шона и некоторых других авторов). Примечательно, что метафору он поясняет с помощью метафоры же, уподобляя ее сердцу, перекачивающему кровь политической философии⁹. Впрочем, политическая философия действительно невозможна без метафор — это общее место подводит нас к целому ряду действительно важных моментов.

⁹ Анкерсмит 2014: 298.

Первый из них относится к коммуникативной функции метафоры, именно благодаря которой происходит осмысление социального действия¹⁰. Следуя за Шоном, но вместе с тем демонстрируя более прагматичный подход, Анкерсмит связывает метафору, с одной стороны, с нарративом в контексте социальной политики, с другой — с возможностью управлять восприятием общественных процессов через так называемые генеративные метафоры, способные инициировать решения тех или иных проблем¹¹.

¹⁰ Там же: 300.

¹¹ Там же: 307.

Второй момент касается структуры политических метафор. Анкерсмит делит их на простые и сложные. К последним он относит, в частности, платоновское уподобление государства кораблю. Очевидно, что сложные метафоры предполагают развернутую трактовку, в процессе создания которой возникает своеобразная рефлексия, в свою очередь подводящая к осмыслению социального действия.

Есть, однако, и третий момент, превосходящий по значимости первые два. Он связан не с рефлексией, но с самим действием.

И здесь необходимо внимательнее приглядеться к источникам теории Анкерсмита. Одним из важнейших является сборник «Метафора и мышление» под редакцией Эндрю Ортони¹². Во введении к нему Ортони замечает, что некоторые метафоры позволяют нам видеть те аспекты реальности, которые они сами же помогают конституировать. Отсюда проистекает возможность двух равновеликих трактовок — либо предположить, что каждый раз, когда мы осознаем смысл метафоры, рождается нечто новое, либо остановиться на мысли, что метафоры

¹² Ortony (ed.) 1993.

предлагают всего-навсего различные взгляды на уже существующую реальность¹³.

¹³ См. Ortony 1993.

По мнению Блэка, чей материал также вошел в сборник, метафоры не просто функционируют как когнитивные инструменты¹⁴, но обладают креативным потенциалом, который позволяет моделировать точку восприятия мира. Соответствующий потенциал, впрочем, присущ не всем без исключения метафорам, а только тем, которые Блэк называет сильными (strong). По отношению к таким метафорам, в свою очередь, справедливо утверждение: эмфатическая, значимая метафора не принадлежит царству вымысла, и ее функции не сводятся к достижению некоего загадочного эстетического эффекта — она действительно выражает нечто¹⁵. Получается, что метафоры этого типа не связаны рамками художественного вымысла и способны создавать новые смыслы. Более того, «сильная метафора» оказывается медиатором между нашим представлением о реальности и тем, чем она является «на самом деле»¹⁶. Иными словами, с определенного момента метафора выходит за пределы тропа и становится своего рода модулятором реальности.

¹⁴ Black 1993: 37.

¹⁵ Ibid.: 39.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Leezenberg 2001: 11.

Подобная дескриптивная (как характеризует ее Михель Леезенберг¹⁷) интерпретация подразумевает взаимовлияние (interaction) метафоры и реальности. Добавим также, что она позволяет исследователю объединять два подхода — условно обозначим их как интерактивный и утилитарный. Интерактивный подход связан с познанием (и одновременно с трансформацией) реальности посредством метафоры, утилитарный же сводит метафору к некоему приему. Важно отметить, что эти подходы не исключают друг друга — при известных обстоятельствах конкретный образ может стать «сильной метафорой», тем самым перейдя на принципиально иной уровень.

¹⁸ Schön 1993: 138.

Наконец, Шон (тоже представленный среди авторов «Метафоры и мышления») ставит перед собой задачу применить понятие метафоры к определенным аспектам социальной политики, причем эти аспекты связаны не с решением неких проблем, а с их постановкой¹⁸. Перед нами вопрос не тактики, но стратегии, выходящей далеко за сугубо прикладные рамки. Поставить проблему — значит вычленив ее и осознать как наличествующую. Согласно Шону, проблемы per se не заданы изначально. Другими словами, они не являются чем-то существующим объективно, вне человеческого сознания, а до определенной степени порождены им (хотя и базируются, хочется добавить, на объективных предпосылках). Более того, сам процесс постановки проблемы есть часть анализа ситуации: новое описание проблем не возникает из решений, принятых раньше, поскольку рождается независимо, из новых ситуаций¹⁹.

¹⁹ Ibid.: 144.

Развивая мысль Шона, можно прийти к выводу, что в ситуации высокой неопределенности по-настоящему действенной стратегией выявления проблем способна быть только метафора. Ибо только метафора, изначально основанная на переносе смысла с одного объекта на другой, позволяет дистанцироваться от происходящего, посмотреть на

него под иным углом зрения и тем самым избавиться от стереотипов восприятия, затрудняющих вычленение проблемы.

Для этого требуются метафоры генеративного типа, о которых шла речь выше. Способность этих метафор генерировать новые формы восприятия, объяснения и открытия роднит их с «сильными метафорами» Блэка, хотя сам Шон предпочитает термин «глубокая метафора» (deep metaphor). Наличие подобного креативного потенциала обеспечивает еще одно важнейшее свойство метафоры, а именно способность продуцировать нарративы (которые Шон называет также сторителлингом²⁰). Принципиальный для нас момент заключается в том, что генеративная метафора сюжетна. С помощью сюжетно-развернутой метафоры мы получаем возможность ставить и анализировать проблемы своего времени, в том числе в русле политической рефлексии.

²⁰ *Ibid.*: 149.

**Метафора, миф,
фэнтези
и политика**

И здесь нельзя не провести параллель между понятиями политической метафоры и фэнтези. Ибо фэнтези — жанр изначально нарративный, максимально наделенный соответствующим потенциалом²¹. Фэнтези выполняет важнейшую коммуникативную функцию этической и социокультурной рефлексии. Память жанра, выявленная Толкином в эссе «О волшебных историях», четко фиксирует три его функции — выздоровление (recovery), бегство от действительности (escape) и утешение (consolation), — одна из которых (вторая) самым непосредственным образом связана с современностью. Фэнтези (или отчасти синонимичная ей fairy-story) не просто позволяет бежать от действительности — сначала она дает возможность осознать ту действительность, от которой хочется спастись в мире воображаемого. Собственно, само такое желание в понимании Толкина обусловлено историческими реалиями. Отсюда — вводимое им различие между бегством пленника из тюрьмы и бегством дезертира с поля боя. Под тюрьмой он подразумевает окружавшую его политическую реальность, что видно прежде всего из его рассуждений о некоем партийном спикере, который вполне может приравнять бегство от фюрера или от ужасов Рейха (и даже критику в их адрес) к предательству²².

²¹ *Tolkien 1997: 140.*

²² *Ibid.*: 148.

Напомним, что в основе эссе Толкина лежала лекция, прочитанная им 8 марта 1939 г., то есть за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. Соответственно, упомянутые там реалии (партийный спикер, фюрер, Рейх) отсылали к предвоенной ситуации в Великобритании, в частности к результатам Эвианской конференции 1938 г., когда Соединенное Королевство отказалось пересмотреть квоты на въезд еврейских беженцев в Палестину, а также к официальной британской позиции по этому вопросу, нашедшей отражение, например, в публикации консервативной газеты «Daily Mail», писавшей 20 августа 1938 г.: «Способ, посредством которого евреи из Германии без гражданства просачиваются в каждый порт нашей страны, вызывает возмущение»²³. А за абстрактным «партийным спикером», по-видимому, скрывался

²³ *Цит. по: Karpf 2002.*

Освальд Мосли, член палаты общин от Лейбористской партии, основатель Британского союза фашистов.

Совершенно очевидно, что подобные аллюзии далеко не случайны. Жанровая матрица произведений Толкина изначально предполагала достаточно глубокие связи с политической реальностью. Впрочем, сам Толкин неоднократно протестовал против попыток рассматривать его книги как сугубо политическую аллегорию. Так, в письме от 13 октября 1939 г. он подчеркивал, что, хотя на содержание его повести «Хоббит» повлияла «тьма, окутавшая наши дни», она все же не является аллегорией²⁴. На то, что его не привлекает аллегория, ни этическая, ни мистическая, он указывал и четверть века спустя²⁵.

²⁴ *Tolkien 1990: 41.*

²⁵ *Ibid.: 351.*

Основной причиной, отвращавшей Толкина от аллегории, была имманентно присущая той упрощенность. Например, в письме от 25 мая 1944 г. он отмечал, что только в аллегории возможно изображение условной войны, где на одной стороне выступает добро, а на другой — всевозможные разновидности зла, ибо в реальной жизни по обе стороны фронта сражаются люди²⁶.

²⁶ *Ibid.: 82.*

В этом плане Толкин был, безусловно, прав — аллегория действительно подразумевает линейное толкование образов. Однако это никак не относится к метафоре. Именно поэтому рискуем утверждать, что самое известное произведение Толкина — трилогия «Властелин колец» — представляет собой развернутую попытку осмысления политических и социальных перемен, определивших облик мира во второй половине XX в.

**Метафоры власти:
кольцо, трон,
игра**

Переходя непосредственно к метафоре власти, прежде всего сошлемся на чрезвычайно важное положение, сформулированное Святославом Каспэ: «Метафора и есть реальность, реальность и есть метафора, или, точнее, наличествует целый класс явлений, применительно к которым различие реальности и тропа не может быть произведено»²⁷. Это заключение в полной мере относится к образу власти, и если проследить его трансформацию на протяжении европейской истории, то останется только согласиться с тем, что «перенос значения представляет собой в данном случае не однонаправленный, разовый процесс, но замкнутый на себя цикл»²⁸. О какой же власти может идти речь? В первую очередь о власти королевской и тех метафорах, которые описывают «отношения господства-подчинения»²⁹. Но в контексте наших изысканий важнее, пожалуй, метафора господства, поскольку XX в. предоставил нам множество значимых примеров соответствующих трансформаций.

²⁷ *Каспэ 2007: 21.*

²⁸ *Там же.*

²⁹ *Каспэ 2016: 13.*

Говоря о метафорах господства, нельзя не упомянуть о потестарной имагологии — дисциплине, которая, согласно ее основателю Михаилу Бойцову, должна заниматься изучением образов власти³⁰. Подобного рода образы распадаются на две группы: те, что используются для осознания власти, и те, что использует власть для репрезентации самой себя. То же самое касается и метафор власти, которые можно понимать

³⁰ *См. Бойцов 2017.*

и как метафоры, описывающие власть, и как метафоры, используемые властью. Именно ко второму их значению отсылает нас «Общественное мнение» Уолтера Липпмана, где подчеркивается, что мир, с которым нам приходится иметь дело в политическом плане, находится вне нашей достижимости, за пределами зрения и сознания, из чего и вытекает необходимость его исследовать, описать и вообразить³¹. Там также говорится о двух «я» любой королевской особы, что неизбежно вызывает в памяти концепцию «двух тел короля», сформулированную Эрнстом Хартвигом Канторовичем спустя 25 лет после выхода в свет труда Липпмана³².

³¹ Lippmann 1998: 29.

³² Канторович 2015.

Пересечение это нам кажется далеко не случайным. Метафоры власти, представленные в трилогии Толкина, равно как и в «Песне льда и пламени» Джорджа Рэймонда Ричарда Мартина, маркированы как узанаваемо средневековые. Соответственно, у исследователей возникает соблазн трактовать их именно в этом контексте. Однако при этом упускается из виду один очевидный момент: ни Толкин, ни Мартин не занимались реконструкцией средневековых реалий, но создавали художественные тексты, не претендовавшие даже (и это принципиально важно) на статус исторических романов. Более того, оба текста изначально задумывались как фантастический нарратив («Властелин колец» — как продолжение повести «Хоббит», «Песнь льда и пламени» — как полемика с трилогией Толкина).

Как отмечается в «Мифе о государстве» Кассирера, в период между двумя мировыми войнами человечество не просто прошло через целый ряд острейших политических и общественных кризисов, но и столкнулось с серьезными проблемами теоретического плана, касающимися прежде всего форм политического мышления. И важнейшей из них, по мнению Кассирера, было появление мифологического мышления³³. Осмелимся предположить, что для осознания этого явления тоже потребовался миф — произведенный посредством метафоры.

³³ Cassirer 1946: 5.

Обе книги создавались во времена колоссальных общественных потрясений, по сути — смены политических эпох. Над «Властелином колец» Толкин трудился с 1937 по 1949 г., Мартин начал работу над своим циклом в 1991 г. (первый роман — собственно «Игра престолов» — вышел в 1996 г.). Возможно, именно поэтому обоим писателям удалось создать тексты, продуцирующие собственную реальность, продуцирующие миф.

³⁴ Здесь и далее цитаты и имена даются в переводе Владимира Муравьева и Андрея Кистяковского.

³⁵ В оригинале: «You can make the Ring into an allegory of our own time, if you like: an allegory of the inevitable fate that waits for all attempts to defeat evil power by power» (Tolkien 1990: 121).

Бесспорно, ключевой метафорой в трилогии Толкина является Кольцо Всевластья³⁴ (в оригинале — the Ring of Power, the Great Ring). Довольно часто Кольцо трактуется скорее как аллегория, нежели как метафора. На возможность подобной интерпретации указывал и сам Толкин, отмечавший, что при желании Кольцо можно превратить в аллегория нашего времени — в аллегория судьбы, которая неизбежно ждет всякого, кто попытается победить злую силу с помощью силы³⁵. Однако рассматривать его как метафору гораздо точнее, тем более что в основе его лежит другая метафора — та, которую приводит Платон в своем «Государстве».

NB! Напомним, что один из участников беседы, излагаемой в «Государстве», Главкон, рассказывает историю некоего пастуха, случайно нашедшего золотое кольцо, которое делает человека невидимым. Воспользовавшись этим свойством кольца, пастух проник в окружение царя, «совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть»³⁶. Опираясь на эту историю, Главкон утверждает, что, обладай подобным кольцом самый справедливый человек, он бы вел себя сходным образом, ибо получивший возможность «действовать среди людей так, словно он равен богу», но не пожелавший поступать несправедливо показался бы «в высшей степени жалким и неразумным»³⁷. Обсуждение вопроса о различии между справедливостью и несправедливостью, а также о том, можно ли искренне предпочесть первую второй, позволяет Платону представить модель идеального государства, обозначив справедливость как «преданность своему делу у всех сословий»³⁸. Заметим, что эта конструкция изначально носит сугубо умозрительный характер и именно поэтому аргументам Главкона сложно противопоставить не идеальные, а практические контраргументы.

³⁶ Платон 2015: 70.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же: 155.

Кольцо Всевластья представляет собой не просто символ неограниченной власти, но ее субъект. О том, что Кольцо обладает подобием собственного сознания, в книге упоминается неоднократно, и прежде всего в разговоре Гэндальфа с Фродо во второй главе, озаглавленной «Тени прошлого». Важно, что в момент работы над этой главой Толкин еще не имел окончательного замысла трилогии. Следовательно, перед нами его размышления о власти в чистом виде: «Могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им»³⁹; «Кольцо Всевластья... само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не выкинет»⁴⁰.

³⁹ Толкиен 1991: 81.

⁴⁰ Там же: 91.

Подобные замечания подкрепляются описанием Кольца, где подчеркивается его привлекательность для владельца: «Ярко лучилось золото, и Фродо подумал: какой у него густой и чудный отлив, как оно дивно скруглено. Изумительное и поистине драгоценное Кольцо»⁴¹. Сочетание обманчивой внешней красоты и темной сути лежит в основе символического наполнения этой метафоры.

⁴¹ Там же.

Кроме того, Толкин приводит своего рода «заклинание власти», объясняющее природу Кольца. Во избежание разночтений процитируем его в оригинале:

Three Rings for the Elven-kings under the sky,
Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,
Nine for Mortal Men, doomed to die,
One for the Dark Lord on his dark throne
In the Land of Mordor where the Shadows lie.
One Ring to rule them all, One Ring to find them,
One Ring to bring them all and in the darkness bind them.
In the Land of Mordor where the Shadows lie⁴².

⁴² Tolkien 1993a: 7.

Как мы видим, три Кольца эльфов и семь Колец гномов характеризуются скорее нейтрально (отражение образа жизни эльфов и гномов — «три Кольца — эльфийским королям под небесами», «семь — повелителям гномов в их каменных залах»), девять Колец для людей — очевидно негативно (описание последних дается посредством продублированного упоминания их смертности, по сути плеоназма — «смертным людям, осужденным умереть»), а Кольцо Темного владыки связывает все остальные. Крайне важный момент, часто ускользающий от внимания исследователей, заключается в том, что частью системы управления Средиземьем под властью Темного владыки являются все Кольца без исключения, в том числе и эльфийские («одно Кольцо, чтобы ими всеми править», «одно Кольцо, чтобы их всех найти», «одно Кольцо, чтобы собрать их всех воедино и связать во тьме»). Поэтому мы вправе заключить, что категории добра и зла по отношению к Кольцу Всевластья слабо применимы. Таким образом, несмотря на фиксацию жесткого этического выбора, стоящего перед героями (принимая Кольцо, ты выбираешь служение злу, а отказываясь от него — служение добру), Толкин *de facto* выводит власть за пределы этики. Иными словами, даже те, кто владеет тремя эльфийскими Кольцами, находятся в системе, созданной Темным владыкой. В первой книге читатель узнает, что владелицей одного из Колец является эльфийская правительница Галадриэль, в третьей — имена остальных двух. Это Элронд и Гэндальф.

Потому-то Гэндальф и не берет предложенное ему Фродо Кольцо: «Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью — о, как бы надежно я их защитил, чтобы превратить потом в своих рабов... Я не сумею стать просто хранителем, слишком оно мне нужно»⁴³.

⁴³ Толкиен 1991: 99.

Это рассуждения напрямую соотносятся с положениями «Государства» Платона. Размышляя об искусстве управления, Платон фиксирует конфликт между мотивацией плохих и хороших людей, отмечая, что порядочные люди далеко не всегда соглашаются брать на себя властные функции: «если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы, пожалуй, оспаривали друг у друга возможность устраниваться от правления, как теперь оспаривают власть»⁴⁴.

⁴⁴ Платон 2015: 56.

В этом смысле можно говорить о том, что идеал правителя во «Властелине колец» отражает исключительно пара Фарамир — Арагорн. Фарамир является зеркальной проекцией своего старшего брата Боромира, ибо там, где старший хочет завладеть Кольцом, младший его отвергает. «Я не подобрал бы этот талисман на большой дороге», — заявляет Фарамир, а затем добавляет: «Я его не жажду. Может быть, потому, что знаю накрепко: от иной гибели нужно бежать без оглядки»⁴⁵. Отказавшись от власти, Фарамир в итоге получает ее из рук легитимного короля — в финале Арагорн подтверждает его статус Наместника Гондора.

⁴⁵ Толкиен 1990: 341.

Сам Арагорн — единственный из героев «Властелина колец», кто претендует на королевский трон, обладая соответствующим правом по рождению и всеми достоинствами монарха. Не случайно именно он

идет на прямое столкновение с Сауроном (когда противостоит ему силой воли, отбирая контроль над магическим артефактом). Можно ли считать Арагорна идеальным правителем? По всем канонам — да. Он демонстрирует не только силу и мудрость, но и присущую лишь истинным королям способность исцелять наложением рук.

Здесь Толкин, очевидно, следует за тем эпизодом из шекспировского «Макбета», где подтверждением легитимности английского короля (по сравнению с преступным Макбетом, узурпировавшим шотландский трон) выступает как раз исцеление:

Святой король здесь чудеса творит.
С тех пор, как в Англии живу, я часто
Их видел сам. Как молится он богу,
Известно лишь ему, но он врачует
Несчастнейших людей в нарывах, в язвах, —
Печаль для глаз, отчаянье врачей.
Больным, с молитвою святой, на шею
Он вешает монету. Говорят,
Что царственным потомкам передаст он
Свой чудный дар. Но, кроме врачеванья,
Пророческим он обладает даром.
Благословенье над его престолом;
Он излучает благодать⁴⁶.

⁴⁶ Шекспир 1926:
427.

Арагорн спасает от смерти Фарамира, Эовин и Мерри в буквальном смысле наложением рук: «Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, положил руку ему на лоб — и те, кто были в палате, стали свидетелями тяжкого боренья»⁴⁷. Однако и он демонстрирует качества, о которых говорит Платон в «Государстве». Арагорн добровольно отказывается от короны, чтобы передать власть своему сыну, замечая: «Если я не уйду сейчас, то вскоре мне придется уйти не по своей воле»⁴⁸.

⁴⁷ Толкиен 1992:
155.

⁴⁸ В оригинале:
«For if I will not go
now, then I must
soon go perforce»
(Tolkien 1993b:
424).

Во «Властелине колец» представлен и антипод Арагорна, который, напротив, готов рискнуть жизнью сына, лишь бы не расстаться с властью. Это наместник Гондора Денэтор. С ним связан образ пустого трона, который позднее заимствует Мартин для своего цикла. У Толкина он описан так: «В дальнем конце чертога, на многоступенчатом возвышении, стоял трон под мраморным навесом в виде увенчанного коронной шлема, а позади проблескивал самоцветами стеной горельеф — дерево в цвету. Но трон был пуст. На широкой нижней ступени в незатейливом каменном кресле сидел, опустив взор, древний старец»⁴⁹. Пустой трон за его спиной — одновременно метафора и государства без короля, и бесплодности усилий самого Денэтора удержать власть.

⁴⁹ Толкиен 1992: 18.

Мартин строит свою метафору власти несколько иначе. Железный (заметим сразу — не золотой) Трон выкован из мечей побежденных врагов Эйгона Завоевателя. В отличие от Кольца Всевластья, максимально привлекательного внешне, Железный Трон внушает скорее страх: «чудовищное и причудливое сооружение из железных шипов и зубастых ребер невероятно скомканного металла»⁵⁰. Суть метафоры поясняет сам

⁵⁰ Мартин 2016a:
434.

⁵¹ Там же. автор: «король не должен чувствовать себя легко на престоле»⁵¹. Тем не менее Трон (как и Кольцо) является своего рода центром притяжения для стремящихся к власти.

Есть всего два исключения — король Роберт и Эддард Старк. Роберт, формально завоевавший Трон, в то же время признается в своей непригодности для царствования: «Клянусь тебе, я никогда не чувствовал себя таким живым, когда добивался этого престола, и таким мертвым после того, как занял его»⁵². Это самоопределение правителя неизбежно вызывает в памяти формулировку Никколо Макиавелли: «Те частные лица, которые стали государями только благодаря везению, достигают этого без труда, но с трудом удерживают власть»⁵³. Действительно, Роберт получил власть благодаря счастливому случаю (импульсивному поступку Джейме Ланнистера, убившего Безумного короля) и чужой (Эддарда Старка) доблести.

Именно Старк воплощает в себе качества справедливого и добродетельного правителя. Вместе с тем он единственный, кто нашел в себе силы отказаться от Железного Трона, о чем напоминает ему Серсея: «Вы могли взять власть в свои руки. Это было нетрудно сделать. <...> Вам оставалось лишь подняться по ступенькам и сесть»⁵⁴. В этом плане он вполне соответствует характеристикам, обозначенным Платоном: «Хорошие люди потому и не соглашаются управлять — ни за деньги, ни ради почета... Чтобы они согласились управлять, надо обязать их к этому и применять наказания. А самое великое наказание — это быть под властью человека худшего, чем ты, когда сам ты не согласился управлять. Мне кажется, именно из опасения такого наказания порядочные люди и управляют, когда стоят у власти: они приступают тогда к управлению не потому, что идут на что-то хорошее и находят в этом удовлетворение, но по необходимости, не имея возможности поручить это дело кому-нибудь, кто лучше их или им равен»⁵⁵.

Итак, подобно тому как в трилогии Толкина каждый значимый герой проходит искушение Кольцом Всевластья, в цикле Мартина каждый проходит искушение Железным Троном. Однако отказ от Трона трактуется не как добродетель, а как фатальная ошибка. Старк последовательно демонстрирует все качества платоновского справедливого правителя, но в системе ценностей «Игры престолов» это квалифицируется как «безумство милосердия». Более того, слова Вариса, посетившего Старка в тюрьме («Вы честный и порядочный человек, лорд Эддард. Иногда я забываю об этом. Слишком уж редко мне встречались люди, подобные вам. И когда я вижу, что принесла вам доблесть и честь, то понимаю причину»⁵⁶), напрямую соотносятся с будущим справедливого человека, как описывает его Главкон у Платона: «столь справедливый человек подвергнется бичеванию, пытке на дыбе, на него наложат оковы... а в конце концов после всяческих мучений его посадят на кол и он узнает, что желательнее не быть, а лишь казаться справедливым»⁵⁷.

⁵² Мартин 2016а: 291.

⁵³ Макиавелли 2018: 27.

⁵⁴ Мартин 2016а: 459.

⁵⁵ Платон 2015: 56.

⁵⁶ Мартин 2016: 593.

⁵⁷ Платон 2015: 72.

Отсюда следует формула власти, пришедшая на смену заклинанию из «Властелина колец»: «Тот, кто играет в престолы, либо побеждает, либо погибает. Середины не бывает»⁵⁸.

⁵⁸ Мартин 2016: 459.

Стоит, однако, отметить, что и метафора игры (власти или во власть) изначально появляется именно у Толкина. Причем происходит это только в третьей части «Властелина колец», когда на первый план выходит конкуренция за владение Гондором между Арагорном и Денэтором. Впервые слово «игра» применительно к этой сфере произносит Гэндальф: «игра идет, фигуры движутся»⁵⁹. Дальше метафора развивается: «игру ведет Враг. И пешки играют наравне с фигурами»⁶⁰. Чуть позже Пин уподобляет себя пешке на чужом поле⁶¹.

⁵⁹ Толкиен 1992: 24.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же: 33.

Метафора усложняется, когда Денэтор напрямую сравнивает себя с Темным владыкой, причем в позитивном ключе. Упомянув о том, что Саурон использует всех в качестве своих орудий, он замечает, что так поступают все великие правители, если только они мудры. К таковым он причисляет и себя, поскольку жертвует своих сыновей, как фигуры⁶². Метафора достигает кульминации, когда главным игроком у Толкина оказывается уже не Саурон, а неодоушевленная Темная сторона Власти (Dark Power), передвигающая армии, как фигуры на доске⁶³.

⁶² См. Tolkien 1993b: 106.

⁶³ Ibid.: 240.

Итак, желание получить или удержать власть любой ценой есть темная сторона тех, кто к ней стремится (и к ним принадлежит не только Саурон, но и Денэтор). Напротив, готовность отказаться от власти ради чего-то большего определяет светлую сторону (на ней находятся Арагорн и Фарамир).

Характерно, что к циклу Мартина подобная дихотомия практически неприменима. Когда два его героя обсуждают, в чем заключается сущность власти, то фактически фиксируют невозможность ее определения: «Одни говорят, что власть заключена в знании. Другие — что ее посылают боги. Третья — что она дается по закону <...> Власть помещается там, где человек верит, что она помещается. Ни больше ни меньше»⁶⁴. А на прямой вопрос Тириона: «Значит, власть — всего лишь фиглярский трюк?» — Варис отвечает: «Тень на стене... но тени могут убивать»⁶⁵.

⁶⁴ Мартин 2016b: 110.

⁶⁵ Там же.

Таким образом, космогоническая система моральных координат Толкина («достойный» / «недостойный») уступает у Мартина место хаотической смене претендентов на обладание властью.

Словосочетание «игра престолов» отсылает нас и к концепции Йохана Хёйзинги, а точнее — к проявлениям игры в сфере правосудия (справедливости).

Правосудие, отмечает Хёйзинга, изначально имеет много общего с игрой⁶⁶. При этом агональная дилемма выигрыша и поражения вполне способна отодвинуть на задний план «этико-юридическую идею» вины и невиновности. И хотя сам Хёйзинга убежден, что подобный расклад характерен для «правовых представлений ранних стадий общества», сходство этих «ранних стадий» с текущим состоянием социума не может не бросаться в глаза.

⁶⁶ Хёйзинга 1992: 96.

⁶⁷ Там же: 98.

Связь права, азартной игры и жребия⁶⁷ (случайности, иронии судьбы) прекрасно коррелирует с образом, появляющемся в заключительной главе «Государства». Платон описывает там веретено Ананки (матери мойр, персонифицирующей неизбежность), причем привязано оно к концам небесных связей, а ось веретена представляет собой мировую ось⁶⁸. То есть жребий человека, а следовательно — и судьбу связанных с ним людей, определяет неизбежность, и тот, кто выбрал жизнь могущественного тирана, руководствуясь «неразумием и ненасытностью», обрек себя на роковую участь⁶⁹. Неожиданный финал, где судьбами государств управляет неизбежность жребия, опять-таки совпадает с проблематикой цикла Мартина.

⁶⁸ Платон 2015: 352.

⁶⁹ Там же: 354.

**От политической
метафоры
к политическому
мему**

Агональность, в принципе присущая сфере политики, отчетливо проявилась, в частности, в политических процессах, связанных с президентскими выборами 2016 г. в США и Brexit. Трагикомичность ситуации подчеркивается возникновением значительного количества мемов, иронически обыгрывающих эти события, причем медийная активность не стихает по сей день.

Современная медиасреда открывает принципиально новые возможности для распространения метафор, которые видоизменяются, трансформируясь в мемы. Термин «мем» имеет несколько значений, используя для обозначения как единицы информации, так и сообщения, распространяющегося подобно вирусу⁷⁰. Но мемы могут пониматься и как определенная ступень в развитии метафоры, когда ключевой образ как бы застывает, приобретая узнаваемость. Именно отсюда такая востребованность мемов в современном политическом пространстве.

⁷⁰ См. Dawkins 1989; Blackmore 1999.

Можно ли говорить, что мемы, базирующиеся на образах, созданных Толкином или Мартином, угрожают изначально представленным в их сочинениях метафорам? Прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо осознать: мемы суть многоуровневые сообщения, где уровень литературного содержания (первоисточника) максимально размыт. Гораздо очевиднее визуальная составляющая мема, в рассматриваемых случаях основанная прежде всего на экранизации «Властелина колец» Питером Джексоном и на сериале «Игра престолов» компании HBO.

С одной стороны, при апроприации метафоры мемом происходит известное выхолащивание смысла первичной метафоры (в особенности когда целью является политическая инвектива). С другой стороны, постоянное присутствие в политическом поле помогает поддерживать узнаваемость ключевых образов — а следовательно, и транслируемых ими сообщений.

Достаточно любопытны закономерности использования метафор в оболочке мемов. Как в российском, так и в зарубежном сегменте интернета мемы, основанные на содержании «Властелина колец», на несколько порядков уступают тем, что восходят к «Игре престолов». Немногочисленные примеры использования первых, по сути, сводятся к серии «Это не Мордор, это [название определенного города]», а также

к изображению Ока Саурона на крышах башен и небоскребов. Иное дело — мемы, базирующиеся на «Игре престолов». Так, на президентских выборах 2018 г. в России зафиксирован ряд случаев порчи избирательных бюллетеней, когда вместо официальных кандидатов вписывался тот или иной герой «Игры престолов»⁷¹. После этого, правда, наступило затишье, однако в США картина прямо противоположна. Помимо сходного с российским стихийного использования образов персонажей «Игры престолов» применительно к участникам политических дискуссий, ее определяет активность Дональда Трампа, который раз за разом модифицирует слоган «Зима близко» («Winter is coming»), маркируя с его помощью актуальные вопросы повестки дня.

⁷¹ Бабкина 2018.

20 ноября 2018 г. Роуз Берк опубликовала на портале Social News Daily подборку из 11 политических мемов, вдохновленных «Игрой престолов», сопроводив ее своими комментариями⁷². Ключевое сообщение маркировано ею как политическая сатира: «Пока король Джофф, я имею в виду — Дональд Трамп, правит Соединенными Штатами, нам остается только надеяться, что неизбежный для всех нас конец по его вине наступит не скоро и мы успеем увидеть финал этого шоу»⁷³. Отметим, что это высказывание само представляет собой наслоение метафор, где идея политики как шоу соседствует с уподоблением Трампа жестокому и инфантильному королю Джоффри из книги Мартина.

⁷² Burk 2018.

⁷³ Ibidem.

В вошедших в подборку мемах преобладают темы Белых ходков, Стены, а также слоган «Сделаем Вестерос снова великим» («Make Westoros Great Again»). Сам Трамп последовательно сравнивается с Джоффри, сэром Алистером (sir Alliser Trump), Мизинцем, Рамси Болтоном и королем Ночи: «Мы построим Стену и заставим Белых ходков платить за нее» («We will build a wall and the white walkers will pay for it»), «Мой дозор закончен — зима близко» («My watch has ended — Winter is coming»), «Дональд Трамп — это Мизинец из „Игры престолов“ не потому, что у его маленькие руки, а потому, что он готов сжечь страну, если сможет стать королем пепла» («Donald Trump is Littlefinger from Game of Thrones, not just because of the little hands, but because he would see this country burn if he could be king of the ashes»).

Подобная активность критиков Трампа привела к закономерному результату — Трамп начал использовать образы «Игры престолов» в собственных целях. В частности, 2 ноября 2018 г. он опубликовал в Твиттере свою фотографию, сопроводив ее подписью «Санкции близко. 5 ноября» («Sanctions are coming. November 5»), выполненной фирменным шрифтом сериала «Игра престолов» GameofThronesKG. Сообщение было призвано напомнить о санкциях против Ирана, связанных с ограничениями на продажу нефти. Публикация вызвала ожидаемый отклик, получив 199 тыс. «лайков» и 111 тыс. комментариев. Столь же ожидаемым, впрочем, было и недовольство компании НВО, заявившей о недопустимости использования ее торговой марки в политических целях⁷⁴.

⁷⁴ Breuninger 2018.

Трамп, однако, и не думал отказываться от эффективного слогана и в начале января 2019 г. выложил в своем Твиттер-аккаунте постер

«Стена близко» («The Wall is coming»), выполненный тем же фирменным шрифтом. Постер отсылал к продолжавшемуся «шатдауну» на фоне разногласий с Конгрессом по поводу возведения стены на границе с Мексикой. Итогом снова было увеличение количества просмотров и «лайков» (число которых превысило 1200 тыс.) — и протесты со стороны тех, кто увидел в этом попытку власти присвоить себе метафору.

Заключение

В завершение позволим себе высказать гипотезу, что правосознание тех, кого Хёйзинга квалифицировал как высокоразвитые цивилизации, в начале XXI в. сделало круг и в известной мере вернулось к исходной точке. Причину подобного поворота, по-видимому, нужно искать в последствиях того, что Энтони Гидденс называл высоким модерном (high modernity)⁷⁵, а Чарльз Тейлор — секуляризацией⁷⁶.

⁷⁵ См. Giddens 1991.

⁷⁶ См. Тейлор 2016.

Можно также говорить о поли(амби?)валентности современной политической метафоры. Между «сильной метафорой» Блэка, «глубокой метафорой» Шона и жанром фэнтези в интерпретации Толкина существует, как представляется, определенное коммуникативное средство. Все они могут служить механизмом социокультурной и политической рефлексии, позволяющим обществу зафиксировать наличие тех или иных проблем и кризисов. Более того, рискуем предположить, что фэнтези как массовый жанр, аккумулировавший в себе коммуникативный потенциал метафоры, остается на сегодняшний день одним из наиболее точных индикаторов общественных перемен.

Основное различие в подходах к концепту власти у Толкина и Мартина, на наш взгляд, заключается в том, что первый делает акцент на сакральности власти (с тем или иным знаком), тогда как второй настаивает на ее условности, конвенциональности и определенной универсальности. Кольцо Всевластья — негативная проекция сакральности, символизирующая вождение к власти как таковой. Кольцо до некоторой степени автономно от своего создателя и обладает своего рода сознанием, позволяющим искушать тех, кому попадает в руки. Что касается Железного Трона, то сам по себе он не имеет ни сакральной, ни магической ценности и лишен собственной воли. Его ценность сугубо символическая, ибо королевские дома Вестероса договорились считать его олицетворением легитимного правления.

Доминирующей метафорой, однако, выступает словосочетание «игра престолов», о чем свидетельствует и анализ современных медиа. Каждый раз, когда политическая повестка подразумевает дебаты или выборы, активизируются мемы, отсылающие к действующим лицам цикла Мартина и базирующиеся на нем сериала. В то же время возможно и упрощенное использование мема на уровне эксплуатации узнаваемой формулировки (немало примеров чему дает Трамп).

Политики стремятся апроприировать метафору, поскольку чувствуют в ней мощный коммуникативный потенциал, позволяющий

преодолевать барьер восприятия целевой аудитории. Вместе с тем можно утверждать и обратное — любое появление метафоры (мема) есть маркер политических и социокультурных изменений в обществе. Именно поэтому так важна степень присутствия в медиасреде мемов, восходящих «Властелину колец» и «Игре престолов». Чем меньше аллюзий на «Властелина колец» мы встречаем, тем ниже значимость категорий добра и зла в области политического (и не только политического). Соответственно, увеличение контента, связанного с «Игрой престолов», сигнализирует об ускорении процесса деактуализации этики.

Библиография

- Анкерсмит Ф.Р. (2014) *Эстетическая политика: Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Бабкина В. (2018) *За короля ночи и красное полусладкое: выборы президента РФ в соцсетях*. URL: <http://topdialog.ru/2018/03/18/zagranitsa-nam-pomozhet-kak-golosuyut-na-vyborah-prezidenta-rf-zarubezhom/> (проверено 02.04. 2019).
- Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.
- Каспэ С.И. (2016) *Политическая форма и политическое зло*. М.: Школа гражданского просвещения. URL: http://www.civiceducation.ru/files/2016/12/Wer_Kaspe2NP_TIP.pdf (проверено 30.04.2019).
- Кассирер Э. (1990) «Сила метафоры» // Арутюнова Н.Д. и М.А.Журинская, ред. *Теория метафоры*. М.: Прогресс: 33—44.
- Кассирер Э. (2002) *Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление*. М., СПб.: Университетская книга.
- Канторович Э.Х. (2015) *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мартин Дж.Р.Р. (2016а) *Игра престолов*. М.: АСТ.
- Мартин Дж.Р.Р. (2016b) *Битва королей*. М.: АСТ.
- Макиавелли Н. (2018) *Государь*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Ортега-и-Гассет Х. (1990) «Две великие метафоры» // Арутюнова Н.Д. и М.А.Журинская, ред. *Теория метафоры*. М.: Прогресс: 68—82.
- Платон (2015). *Государство*. М.: Академический проект.
- Тейлор Ч. (2016) *Секулярный век*. М.: ББИ.
- Толкиен Дж.Р.Р. (1990) *Две твердыни*. М.: Радуга.
- Толкиен Дж.Р.Р. (1991) *Хранители*. М.: Радуга.
- Толкиен Дж.Р.Р. (1992) *Возвращенье государя*. М.: Радуга.
- Хейзинга Й. (1992) *Ното ludens: В тени завтрашнего дня*. М.: Прогресс.
- Шекспир В. (1936) «Трагедия о Макбете» (Перевод А.Радловой) // Шекспир В. *Полное собрание сочинений: В 8 т. Т. 5*. М., Л.: Academia: 341—450.

- Black M. (1993) «More about Metaphor» // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Breuninger K. (2018) *HBO Responds to Trump's «Game of Thrones» Tweet: We «Would Prefer Our Trademark Not Be Misappropriated for Political Purposes»*. URL: <https://www.cnn.com/2018/11/02/hbo-responds-to-trumps-game-of-thrones-tweet.html> (accessed 02.04.2019).
- Burk R. (2018) *11 Political Memes Inspired by Game of Thrones*. URL: <https://socialnewsdaily.com/79970/11-political-memes-inspired-by-game-of-thrones/> (accessed 02.04.2019).
- Cassirer E. (1946) *Myth of the State*. New Haven: Yale University Press.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Karpf A. (2002) *We've Been There Before*. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2002/jun/08/immigration.immigrationandpublicservices> (accessed 30.03.2019).
- Lakoff G. and M.Johnsen. (2003) *Metaphors We Live by*. London: University of Chicago Press.
- Leezenberg M. (2001) *Context of Metaphor*. Oxford: Elsevier.
- Lippmann W. (1998) *Public Opinion*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Müller M. (1862) *Lectures on the Science of Language*. New York: Charles Scribner.
- Musolff A. and J.Zinken, eds. (2009) *Metaphor and Discourse*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ortony A., ed. (1993) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ortony A. (1993) «Metaphor, Language and Thought» // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—15.
- Pavlac B., ed. (2017) *Game of Thrones versus History*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Schön D. (1993) «Generative Metaphor: A Perspective on Problem-Setting in Social Policy» // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press: 137—163.
- Tolkien J.R.R. (1990) *Letters of J.R.R. Tolkien*. London: Allen & Unwin.
- Tolkien J.R.R. (1993a) *The Fellowship of the Ring*. London: HarperCollins Publishers.
- Tolkien J.R.R. (1993b) *The Return of the King*. London: HarperCollins Publishers.
- Tolkien J.R.R. (1997) *The Monsters and the Critics, and Other Essays*. London: HarperCollins Publishers.

M.A.Shteynman
**TRANSFORMATION
 OF METAPHOR OF POWER
 IN THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES
 ON THE EXAMPLE OF WORKS
 BY J.R.R.TOLKIEN AND G.R.R.MARTIN**

Maria A. Shteynman — Ph.D. in Philology; Professor at the School of Philology, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*. Email: philology@mail.ru.

Abstract. The metaphor of power is so broad that, without claiming to fully consider all its aspects, M.Shteynman focuses on its relatively narrow aspect, related to the narrative field of the fantasy genre in the context of the political changes of the 20th — early 21st centuries. The purpose of her research is to trace the transformation of the understanding of the political metaphor in terms of characteristics that allow it to become one of the key tools of political reflection. At the same time, Shteynman draws attention to another important property of political metaphor — its ability to model one or another version of political reality.

The connection between metaphor, political myth and fantasy genre is both obvious and debatable. The matrix of fantasy genre was originally created as a field of deep reflections on the topic of modernity rather than as a way to entertain the reader. It is this consideration that encouraged Shteynman to combine in the framework of one study *Lord of the Rings* by J.R.R.Tolkien and *Song of Ice and Fire* by G.R.R.Martin — each of these authors tried to identify and comprehend the political problems of his time.

These problems have received the clearest expression in two images — Tolkien’s Ring of Power and Martin’s Iron Throne. At the same time, according to Shteynman, the metaphor of the political game, phrased as “the game of thrones”, possesses a dominant meaning. The analysis of modern media, in particular, provides a compelling evidence of its dominant role. Every time the political agenda implies a debate or elections, memes are activated that refer to the characters of Martin’s novels and a TV-show based on his book. At the same time, one can often see the simplified use of a meme at the level of exploitation of a recognizable formulation.

Keywords: political metaphor, political myth, power, fantasy, Ring of Power, Iron Throne, Game of Thrones

References

- Ankersmit F.R. (2014) *Esteticheskaja politika: Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Babkina V. (2018) *Za korolja nochi i krasnoe polusladkoe: vybory prezidenta RF v sotssetjakh* [To the Night King and Red Semi-Sweet: President Elections in the Social Media]. URL: <http://topdialog.ru/2018/03/18/zagranitsa-nam-pomozhet-kak-golosuyut-na-vyborah-prezidenta-rf-zarubezhom/> (accessed 02.04.2019). (In Russ.)
- Black M. (1993) "More about Metaphor" // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Breuninger K. (2018) *HBO Responds to Trump's "Game of Thrones" Tweet: We "Would Prefer Our Trademark Not Be Misappropriated for Political Purposes"*. URL: <https://www.cncb.com/2018/11/02/hbo-responds-to-trumps-game-of-thrones-tweet.html> (accessed 02.04.2019).
- Burk R. (2018) *11 Political Memes Inspired by Game of Thrones*. URL: <https://socialnewsdaily.com/79970/11-political-memes-inspired-by-game-of-thrones/> (accessed 02.04.2019).
- Cassirer E. (1946) *Myth of the State*. New Haven: Yale University Press.
- Cassirer E. (1990) "Sila metafory" [The Power of Metaphor] // Arutyunova N.D. and M.A.Zhurinskaya, eds. *Teorija metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress: 33—44. (In Russ.)
- Cassirer E. (2002) *Filosofija simvolicheskikh form. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2: Mythical Thought]. Moscow, St Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Russ.)
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Huizinga J. (1992) *Homo Ludens: V teni zavtrashnego dnja* [Homo ludens: In de schaduwen van morgen]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Kantorowicz E.H. (2015) *Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovoj politicheskoi teologii* [The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ.)
- Karpf A. (2002) *We've Been There Before*. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2002/jun/08/immigration.immigrationandpublicservices> (accessed 30.03.2019).
- Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)
- Kaspe S.I. (2016) *Politicheskaja forma i politicheskoe zlo* [Political Form and Political Evil]. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshchenija. URL: http://www.civiceducation.ru/files/2016/12/Wer_Kaspe2NP_TIP.pdf (accessed 30.04.2019). (In Russ.)
- Lakoff G. and M.Johnsen. (2003) *Metaphors We Live by*. London: University of Chicago Press.
- Leezenberg M. (2001) *Context of Metaphor*. Oxford: Elsevier.
- Lippmann W. (1998) *Public Opinion*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.

- Machiavelli N. *Gosudar'* [Il Principe]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
- Martin G.R.R. (2016a) *Igra prestolov* [A Game of Thrones]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Martin G.R.R. (2016b) *Bitva korolej* [A Clash of Kings]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Müller M. (1862) *Lectures on the Science of Language*. New York: Charles Scribner.
- Musolf A. and J.Zinken, eds. (2009) *Metaphor and Discourse*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ortega-y-Gasset J. (1990) “Dve velikie metafori” [Las dos grandes metaforas] // Arutyunova N.D. and M.A.Zhurinskaya, eds. *Teorija metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress: 68—82. (In Russ.)
- Ortony A. (1993) “Metaphor, Language and Thought” // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—15.
- Ortony A., ed. (1993) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pavlac B., ed. (2017) *Game of Thrones versus History*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Plato. (2015) *Gosudarstvo* [Politeia]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Schön D. (1993) “Generative Metaphor: A Perspective on Problem-Setting in Social Policy” // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press: 137—163.
- Shakespeare W. (1936) “Tragedija o Makbete” [The Tragedy of Macbeth] (Translated by A.Radlova) // Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochinenij: V 8 t.* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow, Leningrad: Academia: 341—450. (In Russ.)
- Taylor Ch. (2016) *Sekuljarnyj vek* [A Secular Age]. Moscow: BBI. (In Russ.)
- Tolkien J.R.R. (1990) *Letters of J.R.R. Tolkien*. London: Allen & Unwin.
- Tolkien J.R.R. (1990) *Dve tverdiny* [The Two Towers]. Moscow: Raduga. (In Russ.)
- Tolkien J.R.R. (1991) *Khraniteli* [The Fellowship of the Ring]. Moscow: Raduga. (In Russ.)
- Tolkien J.R.R. (1992) *Vozvrashchen'e gosudarja* [The Return of the King]. Moscow: Raduga. (In Russ.)
- Tolkien J.R.R. (1993a) *The Fellowship of the Ring*. London: HarperCollins Publishers.
- Tolkien J.R.R. (1993b) *The Return of the King*. London: HarperCollins Publishers.
- Tolkien J.R.R. (1997) *The Monsters and the Critics, and Other Essays*. London: HarperCollins Publishers.